

ДОКТОР КТО

**КОРОТКИЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ:
РОЖДЕСТВО ВОКРУГ
СВЕТА**

Сборник рассказов под редакцией
Занны Евы Чаун

ST-27

**SHORT TRIPS:
CHRISTMAS AROUND THE
WORLD**

A Short-Story Anthology
Edited by Xanna Eve Chown

США, 1822 г.

Визит святого Николая

Лайза Майлс

Перевод Shadowcat

Редактура Chrestomanci

Приключение Третьего Доктора и Сары Джейн

Зазвенели бокалы, и несколько высокопоставленных военных пробормотали друг другу поздравления. На стенах висел серпантин, в углу стояла пластмассовая Рождественская ёлка, светясь разноцветными огнями. Бригадир решительно ходил по комнате среди сотрудников ЮНИТ, пытаясь разбавить рабочую атмосферу грубоватыми шутками. Вечеринка была тихой и формальной, атмосфера пресной, но гости вроде бы неплохо проводили время. Все, кроме Сары Джейн Смит. Ей было скучно. Она опиралась на офисный стол, отщипывая кусочки от пирожка.

— Рождество может быть таким нелепым, — с досадой прошептала она Доктору.

— Все было совсем по-другому, когда мы были детьми. Когда я была маленькой девочкой, я с нетерпением ждала Сочельника. Я всегда смотрела в окно перед тем, как пойти спать, надеясь увидеть оленей, летящих по небу. А когда мы просыпались Рождественским утром, мы в спешке открывали подарки.

Сара Джейн замолчала и на мгновение задумалась.

— Мне нравилось повторять имена оленей. Танзор, Дикарь и...

Доктор ждал, пока она силилась вспомнить. На её лице отразилась досада, она прижала пальцы ко лбу.

— Я же помнила! — пожаловалась она.

Доктор улыбнулся.

— Сара, — прервал он её мыслительный процесс.

— Насколько тебе нравится вечеринка Бригадира?

— Ну, она немного... скучная, — ответила она, виновато оглядываясь, на случай, если Леттбридж-Стюарт был в пределах слышимости.

— Тогда пойдём. Я знаю, как помочь тебе вспомнить.

Клемент Кларк Мур смотрел на кровать с балдахином, на которой лежала и тихо храпела его жена Катарина. Она пережила утомительный день, раздавая инструкции слугам и наставления детям, чтобы убедиться, что все готово к завтрашнему дню. После более взволнованных, чем обычно, чаепития и ванны, дети повесили свои чулки над камином и помолились. Теперь они свернулись калачиком в своих кроватях, мечтая, без сомнений, о жареном мясе и сладких пудингах. Слуг отослали в их комнаты. Ничто не потревожит сон его жены до утра. Было тихо.

Завернувшись в тёплый халат и надев шёлковый колпачок на редёющие волосы, Клемент тихо прошёл в соседнюю комнату и осторожно закрыл за собой тяжёлую дверь.

Он осмотрел свой рабочий кабинет. Полки, заполненные книгами и бумагами, окружали отполированный деревянный стол и кожаное кресло. В камине все ещё тлели угли.

Угасая, огонь все ещё давал комнате немного света и тепла. Клемент зажёг свечи на каминной полке. Он со вздохом сел в знакомое кресло и постучал пальцами по кожаной поверхности стола. Стол был огромным и изысканно аккуратным, достойным землевладельца и профессора теологии, которому он принадлежал. Клемент гордился

своими достижениями — он был успешным учёным и хорошим отцом. Но сегодня Клемент что-то задумал и не мог заснуть прежде, чем выразит свои мысли на бумаге.

В ТАРДИС Доктор устанавливал пункт назначения. Сара Джейн уцепилась за консоль, затем были знакомые рывок и вой, когда путешествие началось.

— Куда мы летим? — с улыбкой спросила она.

Ей нравилась непредсказуемость Доктора.

— Ну же, подскажи!

— Надеюсь, Манхэттан.

— О! Катание на коньках в Рокфеллер Центре? — попыталась угадать она.

— Или рождественские огни на Тайм Сквер?

— Не совсем... Но я думаю, тебя понравится!

Сильная дрожь, сопровождавшаяся жутким грохотом, сбила Сару с ног. Доктор ухватился за консоль, внимательно изучая показания приборов. Он пожал плечами и улыбнулся.

— Не о чем волноваться.

Сара Джейн вновь обрела равновесие, когда ТАРДИС перестала трястись. Шум затих, и Доктор, совершенно не обеспокоенный, хлопотал в одном из складских помещений ТАРДИС. Он вернулся к консоли с ворохом одежды.

— Тебе это понадобится, — сказал он, передавая Саре Джейн старомодную длинную шубу.

— Меха? — спросила она, наморщив нос.

— Часть времени, моя дорогая.

Он надел тяжёлую шинель поверх своего бархатного пиджака, поправил оборки рубашки и жестом указал на выход.

— Пойдём?

Он толкнул дверь, и внутрь ворвался морозный воздух. Без предупреждения из глубины ТАРДИС вновь раздался оглушительный грохот.

— Какие-то проблемы? — спросила Сара Джейн. — Мы сможем вернуться обратно?

— Да, конечно. Так или иначе...

Сара Джейн привыкла к странностям Доктора и его машины, так что она не слишком волновалась. Отчаянно желая увидеть Нью Йорк, она выглянула из-за него, ожидая яркие огни и шум Большого Яблока. От удивления она открыла рот.

Вместо ожидаемого городского пейзажа, ТАРДИС приземлилась на краю просторной заснеженной лужайки, утыканной высокими и тонкими голыми вязами.

С другой стороны от лужайки стоял трёхэтажный особняк в колониальном стиле. Дорога дугой проходила через лужайку к боку дома, а ступени шли от террасы к галерее с впечатляющими двойными входными дверями. Полная луна освещала блистающий белизной пейзаж. Эту сцену застилала мягкая тишина. Идеальное воплощение традиционной иллюстрации из рождественской книжки. Сара Джейн вышла из ТАРДИС и ступила на нетронутый снег.

— Сюда, — поторопил Доктор, взяв её за руку.

— Я думаю, мы как раз вовремя!

Клемент открыл ящик стола и достал оттуда перо и чистый лист бумаги. Окунув перо в чернильницу, он поставил дату во главе листа, 24 декабря 1822 года и аккуратно написал заголовок:

«Заметки для новой работы над греческим словарём».

Он потянулся за томиком древнегреческой поэзии и пролистал страницы. Найдя нужную ссылку, Клемент поёрзал на кресле, устраиваясь поудобнее. Он поднёс перо к бумаге, но не мог придумать, с чего начать. Его разум начал блуждать. Как правильно подойти к его

теории? Несколько минут он смотрел на лист бумаги, потом опять в книгу. Бесполезно — пустая страница вызывала тревогу. Чувствуя усталость и отсутствие вдохновения, Клемент решил все-таки пойти спать. Он продолжит тогда, когда сможет собраться, возможно, после праздников.

Клемент осторожно вернулся в спальню, снял халат и забрался под тёплое одеяло. Удовлетворённо вздохнув, он как раз собирался повернуться на бок и уснуть, когда на лужайке за окном вдруг раздался жуткий грохот.

— Что за... — воскликнул он, приподнявшись на кровати.

Обернувшись на Катарину, не желая разбудить её, он вскочил с кровати. Она не шелохнулась. Клемент бросился в свой кабинет и, с колотящимся сердцем, распахнул ставни и выглянул в окно. Он ничего не мог разглядеть через толстое стекло. Он подождал. Прошла минута, вновь раздался гром — и на этот раз кто-то разговаривал. Открыв створки, Клемент высунулся из окна.

— Кто там? — крикнул он, стараясь быть как можно тише.

Но теперь все было тихо. Лужайка перед помещьем была залита лунным светом, выпавший снег светился так ярко, что было светло почти как днём.

Высунувшись дальше из окна и почувствовав мороз североамериканской зимы на своём лице, Клемент взглянул налево и направо, всматриваясь в деревья по краям парка. Он ничего не увидел и собирался вернуться в тёплый кабинет, когда произошло невероятное. В центре лужайки приземлились миниатюрные сани, запряжённые маленькими оленями. В санях сидел невысокий старичок.

На заснеженной лужайке Клемента, Сара Джейн Смит топала ногами, пытаясь согреться. Река Гудзон протекала неподалёку, и её щеки занемели от ледяного ветра.

Закутавшись поглубже в шубу, она нетерпеливо вздохнула.

— Доктор, ты не собираешься рассказать, что мы здесь делаем?— прошипела она.

— Тут красиво, но очень холодно! Когда ты сказал, что мы проведём Рождество на Манхэттане, я подумала не об этом.

Сара Джейн с тоской посмотрела на ТАРДИС, стоявшую под голыми ветвями высокого вяза. Мягкое свечение её окон отражалось от снежных сугробов. По крайней мере, там было тепло, подумала она, в рабочем ТАРДИС состоянии или нет.

И тут она услышала шум, звон колокольчиков высоко над ней.

Клемент на мгновение закрыл глаза и открыл снова.

Теперь старичок быстро размахивая вожжами, взывал к своей упряжке хриловатым голосом: «Эй, Быстрый! Танцор! Эй, Дикарь! Эй, Скакун! Комета! Амур! Эй, Гроза и Тайфун! Живей на крыльцо! А теперь к чердаку! Наддайте! Гоните на полном скаку!»

Сверкнув крошечными копытами, олени вновь взлетели в воздух. Клемент моргнул и сосчитал их, пока они исчезали из поля зрения — точно, восемь. Он рывком закрыл окно и потряс головой. Он был рациональным человеком, но ничуть не сомневался в том, чему только что стал свидетелем.

С мальчишеским волнением, Клемент почувствовал трепет и то, как его лицо расплылось в улыбке. Вот это приключение! Он услышал топот и скрип на крыше. Руководствуясь инстинктом, он пробежал через спальню, мимо спящей жены, и бросился по длинному коридору к детской. Позже он понял, как удивительно, что он достиг такой скорости — в его-то годы! Он резко остановился у дверей детской и прислушался.

Осмелившись чуть-чуть приоткрыть дверь, он заглянул в пустую комнату. Лунный свет лился сквозь открытые окна, играя на полу детской и освещая красочные ковры и коробки с игрушками. Из детской в спальню младшей дочери, где спали она и её няня, вела дверь, но было тихо. *Потревожить не смеет даже юркая мышь...* Растерявшись,

Клемент начал колебаться и сомневаться в себе. Затем у камина раздался тихий стук. Клемент пристально разглядывал пухлого человечка, стоявшего перед ним. Он был похож на весёлого старого эльфа, подумал Клемент. Человек был с ног до головы одет в меха, куртку и сапоги покрывали пятна сажи. Его глаза мерцали, на круглых красных щёках были ямочки. Его вздёрнутый нос был красным, как вишня, забавный рот улыбался. В зубах зажата трубка, которой он периодически пыхтел.

Толстая, длинная, белая борода струилась по бочкообразному животу, и, самое главное, за спиной у него был тяжёлый мешок, набитый с горкой книгами, играми, игрушками, фруктами, коробками с орехами и веточками падуба.

Пухлый человечек посмотрел прямо на Клемента и одарил его широкой улыбкой, переросшей в смех, от которого его круглый живот затрясся как желе. Клемент не смог не рассмеяться в ответ. Двое мужчин ничего не сказали друг другу, но незнакомец подмигнул Клементу и кивнул, подтверждая, что бояться нечего.

Без дальнейших промедлений, маленький человек принялся за работу. Он наполнил все чулки над камином, включая те, что принадлежали родителям.

Тряпичная кукла для младшей девочки, игрушечная труба для младшего мальчика...

В каждый чулок он насыпал горсть орехов и положил блестящую новую монетку. После того, как он положил последний подарок, мужчина резко повернулся к тому месту, где, как вкопанный, застыл Клемент. Он постучал пальцем по носу и кивнул, прежде чем войти в камин и исчезнуть в печной трубе.

На секунду Клемент застыл без движения, изумлённый увиденным.

Вернувшись к жизни, он галопом бросился назад в спальню. Пробежав мимо Катарины, он метнулся в свой кабинет и снова открыл

окно. Он услышал тихий свист и то, как хриплый голос произнёс: «Всем счастливого Рождества и доброй ночи!»

Клемент нехотя закрыл окно и опустился в мягкое кожаное кресло. Он сидел так около часа, покачивая головой и по-детски улыбаясь. Постепенно очнувшись от задумчивости, он взял лист со стола и взглянул на написанное. Заметки для новой работы над греческим словарём, ну да, конечно! Клемент усмехнулся про себя.

Чувствуя вдохновение и мальчишеский энтузиазм, он оттолкнул лист в сторону, взял новый из ящика стола и начал заново:

«Канун Рождества, 1822 год

*Рождество на пороге. Полночную тишь
потревожить не смеет даже юркая мышь...»*

И он продолжал писать.

Замерзая на лужайке, Сара в недоумении смотрела на заснеженную крышу.

— Ага, вот и он, — сказал Доктор.

— В карманах шубы ты найдёшь пару морковок, Сара Джейн. Точнее, восемь. Они тебя понадобятся.

И Сара вдруг поняла почему.

Доктор шагнул вперёд, поднимая руку в приветственном жесте, когда восемь небольших оленей аккуратно, как снежинки, приземлились на лужайку перед ними, из их ноздрей шёл пар.

— Привет, старина! Сто лет не виделись, — рассмеялся Доктор, в то время как Святой Николай соскочил с саней и похлопал его по спине.

Доктор выудил из кармана серебряную фляжку и предложил её другу.

— Это моя подруга, Сара Джейн Смит. Кажется, она хотела познакомиться с твоими оленями...

Примечание переводчика

Рассказ основан на стихотворении Клементя Кларка Мура. При переводе рассказа использован текст в переводе Ольги Литвиновой. Оба стихотворения приведены ниже.

A Visit from St. Nicholas

by Clement Moore in 1822

‘Twas the night before Christmas, when all through the house
Not a creature was stirring, not even a mouse;
The stockings were hung by the chimney with care,
In hopes that St. Nicholas soon would be there;

The children were nestled all snug in their beds,
While visions of sugar-plums danced in their heads;
And mamma in her 'kerchief, and in my cap,
Had just settled our brains for a long winter's nap,

When out on the lawn there arose such a clatter,
I sprang from the bed to see what was the matter.
Away to the window I flew like a flash,
Tore open the shutters and threw up the sash.
The moon on the breast of the new-fallen snow
Gave the luster of mid-day to objects below,
When, what to my wondering eyes should appear,
But a miniature sleigh, and eight tiny reindeer,

With a little old driver, so lively and quick,

I knew in a moment it must be St. Nick.
More rapid than eagles his courses they came,
And he whistled, and shouted, and called them by name;

“Now Dasher! now, Dancer! now Prancer and Vixen!
On, Comet! on, Cupid! on, Donder and Blitzen!
To the top of the porch! to the top of the wall!
Now dash away! dash away! dash away all!”

As dry leaves that before the wild hurricane fly,
When they meet with an obstacle, mount to the sky;
So up to the house-top the courses they flew,
With a sleigh full of toys, and St. Nicholas too.

And then, in a twinkling, I heard on the roof
The prancing and pawing of each little hoof.
As I drew in my head, and was turning around,
Down the chimney St Nicholas came with a bound.

He was dressed all in fur, from his head to his foot,
And his clothes were all tarnished with ashes and soot.
A bundle of Toys he had flung on his back,
And he looked like a peddler, just opening his pack.

His eyes-how they twinkled! his dimples how merry!
His cheeks were like roses, his nose like a cherry!
His droll little mouth was drawn up like a bow,
And the beard of his chin was as white as the snow.

The stump of a pipe he held tight in his teeth,
And the smoke it encircled his head like a wreath.

He had a broad face and a little round belly,
That shook when he laughed, like a bowlful of jelly!

He was chubby and plump, a right jolly old elf,
And I laughed when I saw him, in spite of myself!
A wink of his eye and a twist of his head,
Soon gave me to know I had nothing to dread.

He spoke not a word, but went straight to his work,
And filled all the stockings, then turned with a jerk.
And laying his finger aside of his nose,
And giving a nod, up the chimney he rose!

He sprang to his sleigh, to his team gave a whistle,
And away they all flew like the down of a thistle.
But I heard him exclaim, 'ere he drove out of sight,
“Happy Christmas to all, and to all a good-night!”

Визит Святого Николая

Перевод с английского Ольги Литвиновой

Рождество на пороге. Полночную тишь
потревожить не смеет даже юркая мышь.
Стайка детских чулок, как положено, чинно
Санта Клауса ждёт у решётки каминной.

Ребятишкам в уютных и мягких кроватках
снится сахарный снег и Луна-мармеладка.
Я колпак нахлобучил, а мама — чепец:
взрослым тоже пора бы вздремнуть наконец...

Вдруг грохот и топот и шум несусветный,
и крыша откликнулась гулом ответным.
Сна как не бывало — а кто бы заснул?
Я ставни открыл и окно распахнул.

Играя в гляделки со снегом искристым,
Луна озаряла сиянием чистым
(я так и застыл у окна в изумленье)...
чудесные санки и восемь оленей.

За кучера — бойкий лихой старичок.
Да-да, это Санта — ну кто же ещё
мог в крохотных санках орлов обгонять
и басом весёлым оленям кричать:

Эй, Быстрый! Танцор!
Эй, Дикарь! Эй, Скакун!

Комета! Амур!
Эй, Гроза и Тайфун!
Живей на крыльцо!
А теперь к чердаку!
Наддайте!
Гоните на полном скаку!

Как лёгкие листья, что с ветром неслись,
взмывают, встречаясь с преградою, ввысь —
вот так же олени вверх сани помчали.
(Игрушки лишь чудом не выпадали!)

Раздался на крыше грохочущий звук —
диловинных звонких копыт перестук.
Скорее, скорее к камину! И вот
наш Санта скользнул прямиком в дымоход.

Одетый в меха с головы и до пят
(весь в копотн Сантин роскошный наряд!),
с мешком, перекинутым через плечо,
набитым игрушками — чем же ещё!

Сияют глаза, будто звёзды в мороз,
два яблока — щёки и вишенка-нос.
Улыбка — забавней не видел вовек!
Бела борода, словно утренний снег.

И сразу дымком потянуло табачным:
он старую трубку посасывал смачно,
а кругленький толстый животик от смеха
как студень дрожал — доложу вам, потеха!

Забавный толстяк — просто эльф, да и только!

Не выдержав, я рассмеялся до колик.

(Вначале слегка опасался смеяться,
но звёздочек-глаз разве можно бояться?)

Не молвив ни слова, он взялся за дело —

чулки у камина наполнил умело,

кивнул, пальчик пухленький к носу прижал

(мол тихо! молчи!) — и в камине пропал.

Раздался его оглушительный свист —

И восемь оленей как птицы взвились,

лишь ветром слова до меня донесло:

«Всех-всех с Рождеством! Я вернусь! Добрых снов!»

Великобритания, 1982 г.

Ты запах моркови не чувствуешь?

Саймон Гериер

Перевод ssv310

*Приключение Первого и Пятого Докторов,
а также Стивена Тейлора*

— Так не годится! — Доктор перекрикивал рёв метели и вращающихся лопастей. — Стивен, постарайся подлететь ближе!

Стивен Тейлор ничего не ответил. Крепко сжав зубы, он боролся с примитивными органами управления. Раньше ему не приходилось пилотировать вертолёт, но он был похож на ту штуку, на которой они с друзьями летали после сдачи экзаменов. Давным-давно, давно в будущем.

В земной метели всё было точно так же, как и в венерианской стратосфере. Лопасты вращали падающий снег, поэтому при взгляде в лобовое стекло создавалось ощущение, что крутишься. Даже понимая, что это иллюзия, бессознательно пытаешься сместить рычаг управления вертолётom так, чтобы скомпенсировать вращение. К тому же снег может ещё и визуальнo наклонить горизонт, сбивая с толку чувство направления. Поэтому нужно было сжать зубы, игнорировать свои ненадёжные органы чувств, и довериться показаниям приборов. Элементарные премудрости управления летательными аппаратами, которым он обучился ещё подростком.

Он искал на белом в крапинку небе какие-нибудь надёжные ориентиры. Снег скрыл все контуры, за которые мог бы зацепиться взгляд, и Стив не знал, насколько далеко или близко от них было хоть что-нибудь — хотя бы земля.

С таким же успехом он мог лететь с закрытыми глазами.

Но он не сдавался. Взбивая лопастями метель, он направил вертолёт вперёд. Хорошо, что эта штука была такая шумная: рёв и вибрация наполняли его голову, гоня оттуда мысли о том, что это безумие. Лететь на вертолёте сквозь метель. Над населённой территорией. В погоне за гигантским комаром. И с Доктором, который рискованно свесился из задней двери, смещая центр тяжести этого примитивного аппарата.

— Попробуйте ещё раз, Доктор, — крикнул через плечо Стивен.

Старик свешивался за дверь, и встречный воздух развеивал его седые волосы и фалды сюртука. Он стоял на ступеньке под дверью, одной рукой держась за край двери, а другую выставив в темноту. В этой руке он держал конец резинового шланга, подсоединённого к большому контейнеру с жидкостью для мытья.

Стивен не смог сдержать улыбку. Доктору уже несколько сот лет, но дайте ему приключение, и он ведёт себя отчаянно, как мальчишка.

Доктор открыл клапан, и устройство начало брызгать в темноту жидкостью для мытья посуды, хлюпая и фыркая, как будто кто-то прочищал нос. И откуда-то оттуда донёсся чудовищный рёв, громче, чем лопасти вертолёта.

— Кажется, мы привлекли его внимание! — крикнул Доктор, довольный собой.

— Берегись! — крикнул Стивен, когда из метели на них выглянули большие блестящие глаза.

И тут же эта тварь с тонкими ногами и крыльями бросилась на них. Хоботок размером как у слона стучал по стеклу переднего обзора, стремясь высосать их мозги.

Стивен дёрнул рычагом управления влево, пытаясь стряхнуть эту тварь. Он слышал, как Доктор сзади вскрикнул, но не мог оглянуться и проверить, как он там. Стивен не видел ничего, кроме бешеного, дикого существа, вцепившегося ногами в переднюю часть вертолѐта.

Комар вырос до огромных размеров, раздулся; он был в ярости. Он был уже размером почти как вертолѐт и, наверное, считал Стивена и Доктора мягкими вкусными фруктами, спрятанными под жѐсткой, но тонкой кожей. Длинные тонкие ноги обхватили вертолѐт, пытаясь пролезть вовнутрь, но держась подальше от грохочущих лопастей. Вес комара вырывал ручку управления из рук Стивена. Внезапно вертолѐт безвольно повис и начал падать.

Доктор — он всё ещё на борту, хвала небесам! — ещё раз плеснул на комара жидкостью для мытья. Стивен увидел, что на огромной кожистой спине существа вздулись мелкие волдыри. Существо вновь вскрикнуло необычным, ужасным, неестественным рѐвом. Его длинные волосатые ноги отпустили зацепки на фюзеляже, и Стивен почувствовал, что вертолѐт снова слушается его. Он направил его вправо и вверх, чтобы не оказаться на пути комара...

Который взорвался, разбрызгивая по сторонам жѐлтую жижу.

Пока Алекс и Джонатан надевали куртки, варежки и резиновые сапоги, вертолѐт уже улетел. Они стояли в снегу у себя на заднем дворе и выискивали в небе чѐрные точки. Он пролетел прямо над их домом: шум, гам, вращающиеся лопасти, а теперь...

Мама вздохнула и сказала, что они опоздали, и Алекс вдруг рассердился. В Ридинге никогда не случалось ничего интересного, и он очень хотел увидеть вертолѐт, который так шумел. Ему хотелось крикнуть ей, что это она виновата. Если бы она не заставила его ждать пока соберѐтся Джонатан, он бы успел посмотреть.

Но он знал, что если будет кричать, она отправит его обратно домой. И, как говорила мама, ему нужно было вести себя хорошо, если он хотел, чтобы бы к нему пришёл Дед Мороз. Он знал, как нужно себя вести, когда она злится.

Одетой в варежку рукой он взял язычок змейки на куртке и застегнул змейку до самого конца, и получилось, что он выглядывает наружу сквозь тоннель капюшона. С поднятым капюшоном было тепло и уютно, нос и щёки согревались его собственным дыханием. Папа называл это дыхательной трубкой или говорил, что он похож на эскимоса, и Алекс не мог понять, добрая эта шутка или злая.

С папой это никогда не было понятно.

Но маме капюшон не нравился, потому что из-за него она не видела Алекса, и он мог притвориться, что не слышит её. Она говорила, что так он похож на одного из этих маленьких... в «Звёздных Войнах». Сколько бы он ей ни говорил, она не могла запомнить их название. Но всё равно, быть джавой — это круто.

— Иди к нам, Алекс! — позвала мама. Они с Джонатаном присели и катали по саду ком снега. — Мы лепим снеговика.

Алекс побежал к ним, хотя непросто бегать в резиновых сапогах, которые на размер больше, чем твои ноги. А затем он остановился. Снег в их саду был какой-то странный. Он был яркий, несмотря на то, что небо было затянуто плотными серыми облаками. Он был какой-то желтоватый и маслянистый. И он тянул его к себе.

Он сжал пригоршню снега и начал катить его вперёд, как это делала мама. В кончиках пальцев появилось странное пощипывание. Но не такое, как обычно от холода. Пощипывало сильнее, даже сквозь варежки. Не обращая на это внимание, он сосредоточился на том, чтобы скатать большой ком.

— Хорошо, — сказала мама. — Ты делай голову, а Джонатан сделает туловище.

— Да, — сказал Джонатан. — Туловище.

— Я сделаю своего снеговика, — сказал Алекс.

Он посмотрел на снег в саду соседа, мистера Дейви. Там снег был обычный: белый и чистый.

— Хорошо, — сказала мама. — Делай своего снеговика. А я помогу Джонатану делать его.

И они усердно работали: Алекс молча, а мама всё время что-то сюсюкала Джонатану детским голосом. Алекс знал, что Джонатану это не нравится. Он уже был достаточно большой, чтобы уметь считать и определять время по часам — значит, он уже не малыш. Но маме такое разве объяснишь?

Ком Алекса быстро дорос до размеров футбольного мяча — он хотел, чтобы его снеговик был больше, чем у Джонатана — но оказалось, что нельзя просто катить его вперёд. Его приходилось постоянно поворачивать, чтобы он получался круглым. Алекс остановился, чтобы отдышаться, и оглянулся на оставшуюся сзади него длинную, петляющую дорожку открытой травы. Но падал густой снег, который быстро засыпал эту дорожку. Он вздохнул, и его дыхание вышло паром из-под капюшона, сделав его похожим на какое-то чудовище. Он надувал щёки и пыхтел, пытаясь выпускать разные облака чудовищного пара.

— Теперь тебе нужна голова, — подсказала мама. — Нужно скатать ещё один ком.

Но он ещё не закончил туловище. Оно было выше, чем его колени, поэтому ему пришлось запустить руки под него, чтобы хоть как-то сдвинуть.

Оно покатилося вперёд, вырвавшись из его рук, и ему пришлось гнаться за ним, словно оно было живое. Наконец, оно стало размером ему до пояса, отличное толстое туловище, немного сплющенное посередине, как те зефиры, которые иногда приносила бабушка. Большое туловище, правильное, гораздо лучше, чем у Джонатана и мамы!

Затем он начал сначала: сжал снег в снежок и покати́л его, чтобы на него нали́пал снег, чтобы он становился больше и больше. Подняв голову, он увидел, что Джонатан с мамой уже закончили своего снеговика. Несмотря на то, что у мамы были перчатки с отдельными пальцами, у них он получился корявый; он больше был похож на сталактит, чем на человечка. Нет, на сталагмит. «Титы» свешиваются с потолка, — вспомнил он школьный урок.

Они воткнули снеговика в плечи ветки, и получились тонкие костлявые руки с длинными страшными пальцами. А сейчас мама с Джонатаном рылись в клумбах, разыскивая камушки для глаз снеговика.

Алекс продолжил работу. Когда его ком стал достаточно большим, он осторожно подкатил его к туловищу своего снеговика. Даже сидя на корточках и обхватив его руками, напрягшись изо всех сил, он не мог оторвать его от земли. Алекс не собирался просить помощи у мамы или Джонатана. Вместо этого он подкатил ком к туловищу, а затем покати́л его по туловищу вверх. Получилось! Было такое чувство, что снеговик помогал ему поместить голову на плечи. Странное электрическое пощипывание было у него на спине, когда он прикладывал силу, катил ком вверх, подсовывал под него руки, подставлял колено, затем бедро.

А затем снежный ком словно сам прилип к вершине туловища, да так крепко, что даже не пришлось укреплять его снегом. Алекс шагнул назад, удивляясь тому, что ему удалось сделать это самостоятельно; теперь, с головой, его снеговик был похож на настоящего. На совсем настоящего. Как будто бы он в любой момент мог... *пошевелиться*.

— Мама, смотри! — сказал Джонатан, подбегая ближе, чтобы полюбоваться работой Алекса.

Он не подходил вплотную, боясь дотронуться до снеговика: он хорошо знал, что то, что принадлежало Алексу, трогать нельзя, во всяком случае, когда Алекс рядом.

Затем Джонатан широко улыбнулся и протянул Алексу в ладошке камушки. Братья вместе сделали снеговика глаза и линию пуговиц на туловище.

— Как здорово, дорогой, — подойдя ближе, сказала мама. — Папе очень понравится, когда он домой придёт. И знаешь, чего не хватает? — она опустила руку в карман и вынула оттуда две морковки.

Алексу было тяжело держать морковку в варежках, поэтому он схватил кончик одной рукавицы зубами и выдернул из неё руку, а варежка повисла на резинке, проходящей через его рукава. Воздух пощипывал морозом, поэтому он работал быстро. Он вдавил морковку между маленькими глазками снеговика и покрутил её немного, чтобы она воткнулась в снежную плоть. А потом он одним пальцем нарисовал под носом-морковкой кривую улыбку.

Он вздрогнул. Снег был странный... электрический. Словно когда батарейку лижешь. Он и наощупь не был похож на снег, он был похож на сироп. Он вынул палец и осмотрел, не покрыт ли тот жижей. Рука была розовая от холода, но от кончика пальца шёл тёплый пар.

— Мам, смотри! — сказал он, показывая ей палец.

— Ага, — сказала она. — Странно, правда? Наверное, это из-за холода.

Джонатан поражённо смотрел на испускающий пар палец. Затем он тоже снял рукавицы и прижал ручки к своему кривобокому снеговичку. Почувствовав холод снега, он захихикал. Алексу было интересно, почувствовал ли брат такое же электрическое покалывание? Но он ничего не сказал, потому что знал, что мама на это скажет.

Маме о таком нельзя рассказывать.

Они зашли в дом и мыли руки, пока мама варила яйца и жарила гренки. Отмывая пальцы от липкого снега, Алекс думал о том, означает ли электричество, что снеговик живой. И о том, дадут ли им на десерт печенье.

Когда стемнело, снеговики начали воспринимать окружающий их мир. Их каменные глаза не могли видеть, их морковные носы не могли нюхать, в их скатанных из снега головах не было ни мозгов, ни чего-нибудь похожего на сознание.

Тем не менее, большой снеговик знал о свежем ветре, пронизывающем его снежную кожу. Он чувствовал мягкое касание снежинок, падавших вокруг. И где-то рядом он чувствовал своего младшего брата — маленькую, более хрупкую версию самого себя.

Жёлтая инопланетная жижа, смешавшаяся со снегом, медленно просачивалась глубоко в снеговика. Она смазывала изящные кристаллы снежинок, соединяя их, связывая их, делясь с ними единой идеей. Идеей, которую она взяла, скопировала у маленького мальчика, дотронувшегося до неё своим живым пальцем. У маленького мальчика, который послужил образцом, прототипом для пробуждающегося снеговика.

Снеговик аккуратно повернул голову. Снег, из которого были сделаны его плечи, возмущённо скрипел, но маслянистая жижа, обволакивавшая каждую снежинку, удерживала их всех вместе, заставляла их действовать как одно целое. Снеговик хотел увидеть своего маленького брата. Два его холодных, мёртвых камня посмотрели вниз, а маслянистая жижа моделировала такие же палочки и колбочки, как в глазах мальчика. И в итоге снеговик увидел своего маленького брата. И его маленький брат тоже посмотрел на него.

У снеговика не было ног, но он ощущал потребность идти. Управляющая им жижа ещё не освоила чёткие мысли, но у неё была простая, настойчивая потребность не оставаться на месте. Что-то вроде ещё не полностью сформировавшегося ощущения тревоги или опасности. Скорее даже ощущение того, что бедного маленького брата нужно увести куда-нибудь в безопасное место.

Жижа в его теле прореагировала на его потребность и изменила форму утрамбованного снега: по его поверхности пробежала длинная невысокая волна. Она не создала ноги, но скопировала эффект и ощущение хождения, вздымающаяся снежная поверхность аккуратно направила снеговика вперёд. Гораздо медленнее, чем человек, он нерешительно сделал первые шаги по нетронутomu свежевypавшему снегу.

Жёлтая жижа в нижней части снеговика потянулась к новому материалу, впитывая его в себя. Ещё шаг вперёд, и он оставил позади себя тёмную дорожку, полосу голой травы.

У снеговика не было руки, чтобы взмахнуть ею, поэтому он повернулся к брату и двинул плечами, как бы говоря: «За мной!». Он смотрел, как тело брата тоже осторожно пустило волны, а затем тоже шагнуло вперёд.

С каждым шагом их странная, шаркающая походка становилась лучше, более плавной, и отнимала меньше усилий. Они дошли до края сада, а затем пошли по дорожке вдоль дома. Здесь, за зданием, снега было меньше, и ведущий маленького брата снеговик почувствовал твёрдый, холодный цемент.

В конце дорожки стоял высокий деревянный забор, закрывавший им путь. Каменные глаза проследили контуры двери в заборе, которая была гораздо выше, чем оба снеговика. Но дверь была закрыта и не открывалась, когда они надавили. Если её сломать, шум привлечёт внимание; снеговик начал думать настоящими мыслями.

Он отодвинулся назад, чтобы его брат смог пощупать забор длинными худыми пальцами, которых у него самого не было. Похоже, дверь не открывалась из-за простой защёлки, но младший брат не привык к таким сложным действиям, его пальцы никак не могли ухватиться. Когда снеговик наблюдал за попытками брата, у него возникло новое ощущение. Гнетущее чувство в самом центре туловища. Он чувствовал страх.

А затем защёлка на двери сдвинулась и дверь раскрылась. Маленький брат повернулся к снеговику и посмотрел на него. Снеговик кивнул, и повёл его в открытую дверь.

Дом стоял на вершине холма. В воздухе кружился снег, он опускался на тротуары, припаркованные автомобили, на широкую проезжую часть. Знак на другой стороне улицы гласил «Кендрик Роуд» — буквы и язык были понятны снеговику, он скопировал это понимание у мальчика.

По той же причине он знал, что город расположен под холмом, а в нём есть магазины и люди. Это лучшее место, где можно спрятаться, исчезнуть, раствориться в толпе. Снеговик повёл своего брата по засыпанному снегом тротуару. Его брат протянул свою тонкую ручку и вдавил её в бок снеговика; это единственное, что он мог сделать, не имея возможности взять его за руку.

Им навстречу по заснеженной дороге медленно ехала машина. Два мощных, ярких луча прошли по двум снеговикам. Они замерли, стоя совершенно, абсолютно неподвижно. И машина их даже не заметила.

Они пошли дальше; снеговик смотрел по сторонам на дома, мимо которых они проходили. Каждый дом был построен в собственном стиле. Ему нравилось, что каждый из них выражал собственную идею, дерзкую и индивидуальную, но в то же время оставался частью улицы. Инопланетная жижа внутри него пыталась найти свою утраченную память; память о месте, где таких различий не было. Где ломали всё, что было не таким. И тогда снеговик понял своим быстро развивающимся умом, что он не знает ни кто он, ни кем он когда-то был. Он почувствовал боль этой утраты, и у него снова возникло ощущение опасности. словно покалывание, осознание того, что рядом с ними кто-то есть. Снеговик осмотрелся, и у бордюра увидел чёрное раненое существо. Он подвёл туда маленького брата, чтобы рассмотреть, и они увидели раненую кошку.

Кошка попала под машину и потратила свои последние силы на то, чтобы уползти с середины дороги. На то, чтобы подняться на тротуар, сил уже не осталось. Снеговики смотрели на неё глазами-камушками. Они ничего не могли поделать.

А затем маленький брат протянул свою тонкую ручонку и погладил окровавленную шерсть кота. У снеговика не было рук, чтобы его одёрнуть, но где-то в ворохе своих воспоминаний он знал, что мама мальчика этого бы не одобрила.

Кошка вздрогнула, и слабо попыталась прореагировать.

Маленький брат снеговика ещё раз её погладил и выпустил немного своей желтоватой жижи, которая стекла по его тонким пальцам-палочкам на раскрытую рану кошки.

Зашипев и вспенившись, рана залечилась. Кошка села и сталализывать окровавленную, но уже вылеченную рану. Затем она быстро посмотрела вверх, на двух снеговиков, которые только что спасли ей жизнь, и убежала в ночь.

Снеговики посмотрели ей вслед. Снеговик чувствовал, сколько его маленький брат отдал, чтобы оживить кошку. Он теперь был слабее, ему стало тяжелее удерживать снежинки вместе. Поэтому снеговик будет его вести, присматривать за ним, пока они не найдут безопасное место.

В самом конце улицы Кендрик Роуд пересекал большой переулок. Снеговик и его брат остановились возле бордюра, не наступая на него. Они осмотрелись и прислушались, как было положено по правилам дорожного движения в памяти, скопированной снеговиком. Было поздно, машин на дороге было мало, и очень скоро они оказались на другой стороне улицы.

Они прошли по Восточной улице, состоявшей из высоких одинаковых террас, построенных из одинаковых белых грязных камней. Здесь снег был более мокрым, и снеговик почувствовал под ногами что-то грубое и жгучее. Что-то, что разъедало снег, из которого он был сделан, и атаковало маслянистую жижу, которая удерживала его целым.

Мгновение спустя он понял, что тротуар был посыпан солью. Дальше снеговик и его брат шли словно по битому стеклу.

Слева от них террасу прорезал узкий переулок, из него доносилось сильные ритмичные пульсации. Это тоже опасность? Порывшись в памяти, снеговик нашёл слово «паб», и подстроил чувствительные части своей кожи так, чтобы они могли слышать и распознавать звуки.

Люди радостно закричали, когда закончилась песня «Save Your Love» дуэта «Renee and Renato» и началась «Come On Eileen». В конце переулочка были тепло и свет, тепло манило к себе обоих снеговиков. Но приблизившись к этому переулочку, они почувствовали влияние тепла на их тела. Снег растекался водой, которую маслянистая жижа уже не могла удерживать. Они резко остановились, перепуганные своими ощущениями и опасностью, в которой они оказались. И тогда снеговик с ужасом понял, что им всегда придётся оставаться на холоде.

А затем из тёмного коридора, держась за руки, вышли два человека: молодые мужчина и женщина. У неё были растрёпанные волосы, а на нём была шапочка Деда Мороза — красная, с белым бубоном. Они оба запыхались от танцев. Девушка рассмеялась, увидев снеговика и его брата, неподвижно стоявших на тротуаре.

— Они как будто гуляют, — сказала она, а снеговик наблюдал за тем, как она говорила.

В середине её тело сжималось, чтобы выдавливать воздух сквозь отверстие в лице — рот — а части её рта двигались так, чтобы формировать из выдоха чёткие, разборчивые звуки.

Жижа перетекала в голове снеговика, копируя и изменяясь.

— Может быть, ему холодно? — спросил мужчина, и его живот при этом тоже сжимался.

Он пытался быть остроумным, пытался произвести впечатление на девушку. Он снял с себя шапку и надел её на голову снеговика.

Поэтому снеговик повернулся к нему и попытался выдавить воздух сквозь свою грубо нарисованную улыбку. Он знал, что нужно сейчас сказать.

— Спа... — начал он.

Мужчина закричал, развернулся, и убежал туда, откуда снеговик и его брат только что прибыли. Девушка побежала за ним, но не так быстро — ей мешали её блестящие туфли. Маленький брат снеговика попытался погнаться за ней, словно это была игра. Затем он остановился, обернулся на снеговика, и тот грустно покачал головой, на которой всё ещё была шапочка Деда Мороза. Снеговик и его брат пошли в противоположную сторону.

Им пришлось постоять немного на улице Квинс Роуд, дожидаясь возможности перейти её. Пассажиры, сидевшие в тепле проезжавших мимо машин, иногда махали снеговикам, смеялись, а затем раскрывали рты, когда маленький снеговичок тоже махал им тонкой ручонкой.

Снега здесь на тротуарах было ещё меньше, а соли больше. Каждый шаг стоил снеговикам гораздо больше. Когда они проходили через небольшой горбатый мост, они слышали, что под ним журчит вода. Было такое чувство, будто это они сами медленно растекаются. Снеговик знал, что их время истекает.

Проходя мимо автостанции, они почувствовали запах расположенного рядом пивоваренного завода, в воздухе словно появлялся привкус кукурузных хлопьев. В начале улицы они полюбовались статуей Королевы Виктории. Позаимствованные воспоминания снеговика сказали ему, что они на углу улицы Фраер Стрит. Дальше, за почтой, на этой улице было целых два кинотеатра. Именно туда они и направлялись: эти места мальчик, чьей памятью он обладал, считал волшебными и безопасными. Снеговика тянуло найти их, почувствовать то же предвкушение, которое чувствовал мальчик, когда в зале гасили свет. Но исходящее из фойе тепло заставило его остановиться. В кинотеатрах снеговикам тоже не место.

Поэтому они развернулись и пошли по узкой улице, которая вела к развалинам аббатства. На дороге лежал толстый снег, мягкий и приятный для их усталых просоленных ступней. Они прошли в ворота и оказались в ещё одном месте, где мальчики всегда чувствовали себя в безопасности — на поляне в Садах Форбюри.

Здесь снег был нетронутый, и маленький брат снеговика побежал в лежавший на газоне сугроб. Он катался в нём туда-сюда, оставляя после себя след из раскрытой тёмной травы.

Снеговик присоединился к нему, и они катались вместе, восстанавливаясь, шипя и вздыхая, когда им хотелось смеяться — ведь смеяться они не научились. Здесь было достаточно снега для них обоих.

Но долго он не продержится.

По мере приближения утра снеговик чувствовал изменение в воздухе. За развалинами аббатства небо на горизонте начинало постепенно светлеть. Он знал, что будет дальше: солнце медленно поднимется, час за часом прогреет город, растопит снег в мокрую слякоть, а затем и в воду. Он и его брат растекутся.

Даже если бы снеговик умел полноценно говорить, он не смог бы сказать об этом своему маленькому брату, который всё ещё безмятежно играл в саду. Снеговик сел на холодную траву и посмотрел на тёмную, возвышающуюся над ним статую льва — которая так восторгала мальчика — и на бесконечность звёзд вдали за ней. Он чувствовал себя маленьким и уязвимым в этом странном, огромном мире. Его время скоро истечёт, но он был рад, что смог прожить эту ночь, что у него была возможность осмотреться. Глядя, как его младший брат скачет в снегу, снеговик почувствовал умиротворение. Он лёг на спину и посмотрел на звёзды.

— Красивые, правда? — сказал остановившийся рядом со снеговиком мужчина.

Снеговик оставался абсолютно неподвижным, даже и не думая отвечать.

— Конечно, если бы не освещение улиц, они были бы ещё красивее, — сказал мужчина. — Их тогда можно увидеть на несколько тысяч больше. Вам бы хотелось этого?

Снеговик подавил в себе желание встать. Но ведь мужчина обращался к нему? Он чуть-чуть повернул голову, чтобы увидеть его. Высокий мужчина в светлой одежде, по краям пиджака ярко-красная окантовка. Когда он говорил, из его рта не шёл пар. Он, казалось, вообще не чувствовал холод.

— Я Доктор, — сказал мужчина, глядя прямо на снеговика. — Думаю, мы с вами уже вроде как встречались. Я тогда был более старый. И на вертолёте. Не помните?

Снеговик покачал головой.

— Ладно, не важно, — сказал Доктор. — Может быть, так даже лучше. В тот раз вы были менее дружелюбным. Наверное, вы восприняли для своего поведения новый шаблон. Видимо, это инстинкт самосохранения, способ оставаться незаметным. Но знаете, вы по-прежнему излучаете всё ту же сигнатуру. По ней я вас и нашёл.

Снеговик кивнул, хотя и не понимал, о чём говорит этот мужчина. Он обернулся, чтобы посмотреть на маленького брата, неуверенно приближающегося к ним.

— Здравствуйте! — приветливо сказал Доктор. — Вы тут, похоже, развлекаетесь?

Маленький брат снеговика медленно кивнул.

— Что же, — сказал Доктор. — Я знаю место, где гораздо больше снега. Столько, сколько пожелаете. Но если вы хотите, чтобы я вас туда отвёз, вы должны мне кое-что пообещать.

Снеговик сжал своё туловище, выдавливая сквозь улыбку воздух. И очень медленно он промодулировал выдох, чтобы прозвучало слово:

— Ч-ч-то-о?

Доктор улыбнулся:

— Не пугайте там пингвинов.

Белое на белом

Кейт Орман

Перевод ssv310

Приключение Первого Доктора

...Синий, небесно-синий, но насыщеннее, очень жёсткий и чистый. Один из тех оттенков, от которых в ушах звенит. Совсем не белый. Насыщенно-синий, бесконечно насыщенный, как будто падаешь в него вверх и не можешь остановиться.

Сколько я уже так лежу?

Стоп! Сколько я уже так лежу?

В панике я вскочила и чуть опять не упала. Хрустя ботинками по снегу, я пытаюсь удержать равновесие. Я запуталась в стропах. Я отстёгиваю их и неуклюже выпутываюсь.

Сзади меня: мои сани перевернулись, но груз не рассыпался. Впереди меня: мой воздушный змей лежит чуть в стороне, на склоне небольшого холма, розово-оранжево-зелёный на фоне чистой белизны. Ветра нет. Повезло мне. Нехорошо было бы, если бы меня протащило по случайной траектории по некартографированной Антарктике.

Мне невероятно повезло. Я смотрю на часы: с тех пор, как я смотрела на них в последний раз, прошло уже больше трёх часов. Тогда я шла на полной скорости, неслась за змеем, подгоняемая хорошим сильным ветром, лыжи резали снег, как масло. Я, должно быть, вырубилась, впала в состояние гипноза автострады; мозг отключился, а

тело работало как робот и... Я так переживала о своём снаряжении, что заметила это только сейчас.

Синее. Прямоугольное. Выше меня. На нём что-то написано по-английски, но мне это ни о чём не говорит. Навигационный знак?

Убежище?

Я громко хохочу, когда понимаю, что следы моих лыж идут чётко до этой штуки, как в мультфильме. Как будто я рулила прямо на неё.

Но я ведь, наверно, действительно рулила прямо на неё. На единственный объект посреди пустого белого пейзажа. Может быть, какой-то инстинкт самосохранения зафиксировал мой мозг на ней. На моём единственном шансе очнуться. Но вместо того, чтобы очнуться, я въехала прямо в неё и потеряла сознание полностью. Чудесно. Повезло, что я не провалилась в трещину.

К чёрту расписание, на сегодня хватит. Мне нужно согреться. Я складываю змей, переворачиваю сани и ставлю палатку прямо возле этого контейнера с продовольствием, или что оно там такое.

Я запикиваю в себя куриное карри и литр кофе, одновременно с этим осторожно проверяю, цела ли я. Меня беспокоят самые маленькие пальцы на левой ноге.

Не считая пальцев, можно считать, что неопределённо долгое лежание на снегу при температуре -20 градусов сошло мне с рук. Слава Богу, что ветер прекратился. И что не началась метель.

Немного всплакнув, я достаю спутниковый телефон и звоню на станцию «Генерал Бельграно»¹. Когда я рассказываю персоналу о своём приключении, мой голос немного дрожит. Хочу ли я, чтобы меня эвакуировали? Нет, не хочу. На организацию такого похода нужно

¹ «Бельграно II» — аргентинская научно-исследовательская полярная станция, расположенная в Антарктиде, на берегу моря Уэдделла. Эта станция является самой южной постоянной станцией Аргентины.

несколько лет и тысячи спонсорских долларов. Если я сейчас сойду, другого такого шанса у меня может уже не быть.

Однако кому-то может быть интересно взглянуть на ту штуку, в которую я врезалась. «Это не сани Деда Мороза?» — спрашивают с базы. Ха-ха, нет, не сани.

Кажется, они думают, что я всё придумала. Тем не менее, вот оно, рядом с моей палаткой, гудит себе, как трансформаторная будка.

Странно, но оно тут не так уж сильно выделяется. В Антарктике есть только два цвета: белый (естественно) и синий. В эти декабрьские дни солнце, которое тоже часто выглядит белым, никогда не опускается за горизонт. Небо остаётся синим весь день, светлее по краям, к зениту темнее.

Иногда встречается синий лёд, насыщенного химического оттенка. Даже пламя моей горелки синее. Всё остальное белое: снег, облака, луна.

Это напоминает мне картину, которую я когда-то видела в Нью-Йорке: «Белое на белом» русского художника Малевича. Это просто квадратный холст, покрашенный белым цветом, а на нём перекошенный квадрат меньшего размера, тоже белый, до немного другого оттенка. В интернете я прочла, что это должно символизировать своего рода чистый математический идеал. Никаких тебе мещанских изображений деревьев и гор; это было искусство, которое мог понять кто угодно — так думал Малевич. Большинство посетителей музея не обращали на неё внимания. А меня она словно загипнотизировала. (Ага, подумаете вы, не удивительно, что её снег загипнотизировал). В голове крутятся странные мысли. Если бы кто-то прибыл с другой планеты, — думала я, — он не понимал бы, что такое дерево, но ему можно было бы показать «Белое на белом». Если Малевич прав, это инопланетянин понял бы. По крайней мере, он смог бы спроецировать на это собственные мысли. Мне кажется, что такая картина, пустая и без инструкций, несёт в себе

лишь тот смысл, которым ты наполняешь её сам. Быть может, и с Антарктикой то же самое?

Из других цветов тут только оранжевые ткани моей пуховки и моей палатки, а когда дует ветер, то ещё и мой разноцветный воздушный змей.

Восемь часов я сплю без задних ног, натянув на лицо маску, чтобы не видеть дневной свет, просачивающийся сквозь стены палатки. Когда я просыпаюсь, синий параллелепипед всё ещё тут, продолжает гудеть. Сегодня сияние слепит сильнее, чем раньше; я даже выглянуть из палатки без солнцезащитных очков не могу.

Я беру телефон, чтобы позвонить на станцию «Бельграно». Сигнала нет. Иногда так случается. Я вынимаю радиостанцию, пытаюсь выйти на связь. Ответа нет.

Я повторяю попытки около пятнадцати минут, затем начинаю пробовать другие каналы, надеясь перехватить чей-нибудь разговор. Если в «Бельграно» проблемы, может быть, кто-нибудь другой передаст им моё сообщение? Я пытаюсь связаться с «Полюсом», который гораздо ближе, чем «Бельграно». Ничего. Наконец, я пробую каналы, зарезервированные для чрезвычайных ситуаций. Уж их-то кто-то должен прослушивать. Но сколько бы я ни крутила ручку — везде тишина.

Я вскакиваю и выбегаю наружу, верчусь по сторонам, вглядываюсь в горизонт. Я задерживаю дыхание, стучу руками друг об друга, и через какое-то время паника проходит. Я убеждаю себя в том, что это всего лишь шок после вчерашнего происшествия. Просто капризы погоды.

Попробуешь позже, и кто-нибудь ответит.

Мой GPS навигатор тоже не работает. Меня снова пытается охватить паника.

Я свела зубы. Думай!

Вспышки на Солнце? Они могут прервать радиосвязь на несколько дней. И спутниковый телефон, и GPS.

Погода ясная, ветра нет, так что потеря связи не критична. Я могу понять куда идти, по солнцу и по времени. До полюса осталось идти всего день или два; я приду туда на Рождество, как и планировала. Спонсоры будут в восторге. Но мой восторг будет сильнее.

На завтрак у меня овсянка, клейкая от топлёного масла, сваренная в растопленном снеге. (Дома мама сейчас должна готовиться к большому семейному барбекю в Канун Рождества. Я стараюсь прогнать мысли о том, какую еду готовит она.) Затем я упаковываю вещи в сани, пристёгиваю лямки саней к поясу, и отправляюсь в путь.

Я тащу санки уже несколько недель. Вообще-то, мне уже даже непривычно ходить, когда они не тянут меня назад. С каждым днём, по мере расхода еды и топлива, они становятся легче. Но я всё равно ненавижу их всем сердцем. Я рада, что во время вчерашней эпопеи не сделала какую-нибудь глупость; скажем, не бросила их. От этих мыслей мне стало дурно. А может быть, из-за масла.

Ветер всё ещё слабый, так что какое-то время я буду идти пешком. Яркость света сегодня просто невероятная. Я щурюсь даже за тёмными стёклами очков.

Такие просторы, а у меня случился приступ клаустрофобии. Я не могла не выйти из палатки. Есть много причин, почему я здесь одна. Чтобы доказать, что я могу это сделать без посторонней помощи. Чтобы избежать тех кошмаров, через которые проходят группы, когда в их организмах что-то меняется, и они начинают винить друг друга во всём на свете и ненавидеть. Ха-ха. Мне некого обвинять, кроме самой себя.

И дело не только в этом. Мне нравится быть одной. Я предпочитаю оставаться одна. Я уже почти десять лет хожу в сольные горные восхождения.

Но, правда, не в таком одиночестве, совсем без связи. Дома, в своей квартирке, я продолжаю общаться с миром посредством электронной почты и телефона. Но в этом опасность телефона и радио — можно подумать, что ты не одна.

Здесь я не чувствую себя одинокой, даже сейчас. Я ощущаю своего рода присутствие... можете назвать это Богом, или же моё сознание просто пытается заполнить пустоту.

Вот это меня больше всего и беспокоит: что мой мозг начнёт заполнять эти пустые страницы местами и людьми, которые не существуют.

Я слышу самолёт раньше, чем вижу, но лишь на секунду — он тут же оказывается у меня над головой, накрывает всё вокруг звуковой волной — БАМ! БАМ! — и исчезает за горизонтом.

Я чуть шею не свернула, пытаюсь за ним проследить, и тут появляется ещё один (догоняет первый?) — БА-БАХ! БА-БАХ! И тоже исчезает.

Que demonios?² Это похоже на военные самолёты, на истребители.

Откуда они прилетели? С Полюса? Там нет таких самолётов, там только тяжёлые грузовые, которые доставляют людей и продукты из реального мира, и легкомоторные, на случай чрезвычайных ситуаций.

По-прежнему нет связи, ни спутниковой, ни радио. У меня возникает ощущение, похожее на плохой сон, в котором что-то есть за пределами зрения, а ты не можешь повернуть голову и посмотреть. Мне кажется, что происходит что-то огромных масштабов, а я вижу только маленькие обрывки. Может быть, идёт война, а я не вижу и не слышу?

На этом пейзаже не с чем сравнивать размер. Когда на горизонте посреди белизны что-то появляется, невозможно понять, далеко ли оно и какого размера. Наверное, после вчерашнего приключения я всё время приглядываюсь к тому, что вокруг. Поэтому я замечаю огромную ядовито-розовую штуку сразу, как только она появляется над горизонтом, но лишь через несколько часов я приближаюсь к ней достаточно близко, чтобы понять, насколько она огромна. Она огромная, как авиалайнер, но торчит под углом из земли.

² Какого чёрта? (исп.)

Я замедляюсь и останавливаюсь, отстёгиваюсь от санок, и подхожу на несколько шагов ближе к этой штуке. На её насыщенно-розовый цвет больно смотреть. Я не могу понять, что передо мной такое? Изгибы и сочленения, но сложившиеся и смятые.

В местах разрывов я вижу голый металл. Я думаю, что оно, должно быть, упало. Потерпевший крушение летательный аппарат, но со странными устройствами, похожими на ноги.

Он немного похож на кисть руки. Я никогда ничего подобного не видела.

Меня снова охватывает паника, от неё у меня сводит живот, и в этот раз она не проходит. А что если это конец света, и я последняя, кто остался? Нет проблем: скоро умру и я, продукты-то доставить мне некому будет. Здесь есть лишь то, что носишь с собой.

Что мне остаётся делать, кроме как идти дальше?

Я встёгиваюсь в санки. Медленная, равномерная ходьба. Когда я иду, я пою. В основном популярные песни, просто чтобы задавать себе ритм, чтобы не останавливаться. Ветра всё ещё нет. Не оборачиваться.

Южный Полюс уже близко. На базе Сноукэп³ я приму горячий душ, кто-нибудь осмотрит мои обмороженные пальцы, я поем свежеприготовленной еды, и выпью в честь Рождества шампанское. Или пиво. Или что угодно, что у них там есть, мне всё равно. Я позвоню маме с папой и похвастаюсь, что у меня настоящее Рождество, со снегом.

Откуда-то издалека доносится низкий глухой звук. Я останавливаюсь и внимательно прислушиваюсь, стараясь не хрустеть и не дышать. Двигатель?

Ещё один! И ещё один! Это не ровный гул самолёта, это взрывы!

Небо становится чёрным.

³ На самом деле расположенная на Южном Полюсе американская полярная станция называется «Амундсен — Скотт».

Это ночь.

Темнота надвинулась внезапно, от одного горизонта до другого, и появились миллиарды ярких звёзд... Но солнце продолжало светить!

Я кричу, потом снова кричу. Мой мозг и моё тело отказываются воспринимать этот кошмар. Я опускаюсь на колени в снег. Я хватаюсь за защитные очки, но какой-то инстинкт не даёт мне открыть глаза смертельному сиянию горизонта на западе.

В следующее мгновение небо наполняется полярным сиянием. Цвета такие красивые, такие сочные, такие успокаивающие, что мои крики превращаются в смех сквозь слёзы. Я лежу на спине и смотрю на огромные полотнища жёлтого и зелёного, развевающиеся как флаги. По краям они оранжевые, красные, пурпурные.

Наверное, я умираю. Наверное, весь мир умирает, и это происходит на моих глазах. Всё, о чём я могу думать: нет, не сейчас, дайте мне дойти до Полюса!

Так же быстро, как наступила невозможная ночь, снова наступает день, ясная синева застилает радужные сияния. Я всё ещё дышу.

Воздух всё ещё тут, небо вернулось.

Я плохо вижу сквозь очки, потому что на стёклах изнутри замёрзли слёзы. Приходится снять их и почистить. Пальцы нащупывают на лице тонкую линию, которой больно касаться: узкая полоска кожи, которая не была ничем прикрыта, и так сильно обгорела, что уже появляются волдыри.

Я хочу позвонить маме и папе. Спутниковый телефон по-прежнему не работает. Я включаю радио и дрожащими пальцами беру микрофон. «Сноукэп, Сноукэп, Сноукэп, говорит Мартинез! Приём». Я повторяю это как мантру, три раза, потом четвёртый. Боже, пожалуйста, пусть кто-нибудь меня услышит!

— А кто это такой? Кто это, хм?

Я так рада услышать чей-то голос, что чуть не роняю радиостанцию.

— Сноукэп, это вы? Говорит Сари Мартинез, — я смеюсь, я плачу, распустила сопли, как маленькая девочка. — Что... Что это только что было?

— Боже мой! Что вы там делаете, девушка?

Кто это вообще такой?

— Мартинез. Я совершаю сольный переход от станции «Генерал Бельгано» до Полюса. Не шутите, Сноукэп, вы меня должны ждать.

— А, понятно, понятно... В спешке эвакуации про вас, видимо, забыли. О боже, вот так досада. Что же нам теперь с вами делать, хм?

Я слабым голосом спрашиваю:

— Я могу поговорить с кем-нибудь другим?

Он смеётся:

— Боюсь, что нет. Все остальные эвакуированы!

Эвакуированы? *Mieschica!*⁴

— Я видела потерпевший крушение аппарат... Я слышала взрывы... а потом... что случилось с небом?

— Боюсь, что всё это из-за меня. Понимаете, некие гелидоны пытались разрушить часть атмосферы Земли, которая не пропускает вредное излучение солнца.

Гелидоны? Кто? Это что, террористы какие-то?

— Вы имеете в виду озоновый слой?

— Да, именно. Именно! Они думали, что никто не заметит, что они делают, потому что это спишут на загрязнение воздуха.

Разговаривать с ним — всё равно как пазл собирать, когда половины кусочков не хватает.

— Вы говорите об озоновой дыре.

— Правильно! Молодец! Они хотели расширить эту дыру на половину земной атмосферы. Всё Южное Полушарие стало бы

⁴ Чёрт возьми! (исп.)

необитаемым! Во всяком случае, для людей. А самим гелидонам там было бы хорошо.

Я кладу микрофон на радиостанцию и закрываю глаза. На мгновение мир становится почти безмолвным; только тихое потрескивание передо мной и шорох моей пуховки.

У меня галлюцинации. Испытывая недостаток зрительной и слуховой информации, мой мозг заполняет пустоту, как художник заполняет пустой холст.

Так ведь?

Из радиоэфира снова доносится голос.

— Вы ещё там, мисс Мартинез?

Я беру микрофон.

— Что такое «гелидон»?

— Инопланетное существо, — сразу отвечает он. — Они из другой галактики. Что-то вроде огромного разноцветного лобстера с огромными глазами.

— Uno extraterrestre?!⁵

Ну, разумеется... стоп, он сказал лобстер? Я вспоминаю разбившуюся штуку с её сочленениями и ногами.

— Я видела НЛО, — говорю я ему. — Оно упало в снег.

— Ах, да, это мой друг Стивен постарался. Он позаимствовал один из гелидонских космических кораблей, — он снова хихикает. От этого смеха у меня по спине мурашки бегают. — Он доставляет им много неприятностей. Отвлекает их!

Это и есть то, что я видела? Не военные самолёты, а схватка двух НЛО?

— Боже мой, что же нам с вами делать?

— Слушайте, Сноукэп, от меня до вас всего несколько часов ходу. Я пойду дальше.

⁵ Инопланетянин (исп.)

— Нет, нет! Во-первых, мисс Мартинез, я не на базе Сноукэп. А во-вторых, это опасно.

Стоп, что?

— Вы не на полюсе? А где же вы тогда?

— Мой транспорт был повреждён во время взрыва. Я возвращался на базу, но в этой гусеничной штуке, похоже, горючее закончилось.

Я поняла.

— Вы пропустили эвакуацию. Боже мой. Вы там один?

— Боюсь, что да. Гелидоны напали на базу как раз тогда, когда все садились на самолёт. Им пришлось улетать немедленно.

У меня пересохло во рту.

— Эти гелидоны на базе Сноукэп?

— Уже нет. Они пытаются починить своё оборудование, хотя это им не удастся.

— Но что если они услышат наш разговор?

— Гелидоны не связываются с такими примитивными вещами как радио, — насмешливо говорит он.

— Нет, погодите... а что мне делать, если они меня найдут?

— Вы же не представляете для них угрозу, правда? — такое впечатление, что ему опять смешно, словно это всё фантастическая шутка, и мы не застряли посреди ледяной пустыни. — Если вы не будете их трогать, я уверен, что и они вас не будут трогать.

До меня внезапно доходит...

— Что будет, если они найдут вас?

— Что же, ко мне они тёплых чувств не питают, — признаёт он.

При отсутствии топлива ему остаётся только оставаться на месте. Он не может даже пойти на базу, потому что на ней полно космических лобстеров. Он *bianco facil*. Абсолютно беззащитен.

— О, это не справедливо, — шепчу я. — Это не справедливо.

Я шла на Южный Полюс целых два месяца. Даже если не будет ветра, я могу дойти до Сноукэпа меньше, чем за день.

Нет, на самом деле мой путь начался не тогда, когда я вышла из «Бельграно».

Он начался на два года раньше, когда я начала планировать и искать спонсоров. Нет, он начался ещё раньше, когда я впервые увидела фотографии улыбающихся людей, стоявших на самой нижней точке глобуса, где солнце не садится, а отскакивает от горизонта, и я поняла, что я тоже должна там побывать. Мне тогда было семь лет.

А теперь эта галлюцинация, это безумие, и так близко к финишу. Я не могу остановиться сейчас, это невозможно!

Я хватаю микрофон и визжу в него:

— Оставьте меня в покое! Просто... оставьте меня в покое!

— Успокойтесь, девушка. От паники никому не будет пользы.

Я делаю глубокий вдох.

— Кто вы такой?

— Я Доктор, — говорит мне он. — А теперь слушайте меня. Я повредил гелидонам машины для преобразования озона и положил конец их планам. Скоро они поймут, что им не остаётся ничего другого кроме как сесть в оставшийся у них космический корабль и улететь с Земли. Тем временем всё, что можем делать мы — терпеливо ждать.

В этот момент я должна принять решение. Принимаю ли я то, что вижу и слышу?

Моя мама всегда говорит: что может привести к худшим последствиям? Если я не права, если это всё правда, и я её проигнорирую, я оставлю кого-то одного, беспомощного в этой пустоте. Кого-то такого же одинокого как я.

— У вас есть навигатор? — спрашиваю я его.

— Сейчас проверю, это должно быть такое... Да.

Он сообщает мне свои координаты. Я нахожу это место на карте и делаю отметку. Это на северо-западе. Мне, вообще-то, до него ближе, чем до Полюса.

— Никуда не уходите, — говорю ему я. — Я приду за вами.

Когда я бреду по снегу и тащу санки по замёрзшим неровностям, мне нечем заняться, кроме как думать.

Я думаю о небе. Это сделали гелидоны, они сделали атмосферу прозрачной. Но подумав ещё, я понимаю, что взрывы, которые я слышала, были порчей установки. Машина гелидонов работала несколько часов, поглощала небо, привела к тому невыносимо яркому сиянию, блокировала радиосвязь. Когда Доктор взорвал их машины, воздух восстановился.

Доктор вызвал наступление ночи во время полярного Антарктического дня. А что ещё он мог сделать? Убрать луну, как шарик мороженого? Хочу ли я приближаться к такому человеку?

Начинает понемногу дуть ветер, он отрывает от земли снежинки и несёт их, как дым. Разве не должны быть ужасные бури, или ещё что-то в таком роде?

Такое впечатление, что вообще ничего не произошло. Какую часть земного шара охватило то ужасное чёрное небо? Были ли он и я единственными свидетелями? Нужно будет спросить у него подробности. Но у меня такое чувство, что я их всё равно не пойму.

Добраться до Доктора раньше гелидонов, вот и весь мой план. Что мы будем делать потом? Понятия не имею.

Я поверить не могу, что я развернулась. Я повернулась спиной к Южному полюсу и удаляюсь от него.

Медленная, равномерная ходьба. Не оборачиваться.

Несколько часов спустя, взглядевшись в бинокль, я увидела первых инопланетян. Я даже не моргнула. Я начинаю привыкать к чудесам.

Их двое. Они действительно немного похожи на лобстеров. Немножко. Их тела длинные и плоские, у них много ног. Особенно много ног спереди, хотя, возможно, это части рта. В животных я не разбираюсь.

Но я вижу, что они *не такие*, они движутся *не так*. У меня снова сводит живот.

Их спины, бока и ноги того же гадкого розового цвета, как и разбившийся корабль. Может быть, на них доспехи? Или они покрасили свои панцири? Не для камуфляжа, а по той же причине, почему моя пуховка ярко-оранжевая: чтобы легче было найти посреди снега?

Когда я прекращаю рассматривать самих пришельцев, я смотрю на снег под ними, и понимаю что они делают. Они идут по следам транспортного средства Доктора!

Мой первый порыв — схватить радиостанцию и предупредить его. Но, наверное, мой организм уже не может выделять адреналин, я не могу больше паниковать.

Вместо этого я достаю карту.

Но не просто понять как далеко гелидоны и как быстро они движутся. Масштаб в этом белом мире и так тяжело оценивать, а я ещё и не знаю какого они размера. Я пытаюсь оценить расстояние до них по расстоянию между следами от гусениц и отмечаю пальцем на крате место, где они, на мой взгляд, находятся.

И они, и я всё ещё в нескольких километрах от Доктора.

Значит, они идут по следам, по которым он уходил, они идут на северо-восток. А это значит, что обратно он поехал иначе. А значит, им нужно пройти по следам до самой машины, а затем развернуться и пойти по следам его возвращения. А я могу пойти напрямик к нему.

— Обгоню, — говорю я громко.

Мне нужно надеяться на то, что гелидоны так увлечены следами, что не заметят меня. С воздушным змеем я могла бы добраться гораздо быстрее, но с ним я привлеку к себе внимание.

Я не пою. Просто на случай если они как-то могут меня услышать.

Через два часа я замечаю Доктора.

Он залез на свой снегоход и осматривает в бинокль горизонт. Маленькая седовласая фигурка на ветру.

Одежды на нём немного: белая куртка до колен, и больше я ничего не вижу — ни балаклавы, ни даже перчаток.

Он, наверное, замёрз; он, наверное, в ужасе. На вид он даже не нервничает. Он стоит прямо и неподвижно, полный достоинства, как статуя.

Он заметил меня. Он машет рукой, чтобы я шла к нему, словно собирался куда-то уходить. Я тоже машу рукой и немного ускоряю шаг.

Доктор заметил в бинокль ещё что-то — это могут быть только гелидоны с северо-запада. Он машет мне рукой, чтобы я поторопилась, и начинает слезать с оранжевого снегохода.

Я их вижу! Они быстро движутся, бредут по снегу, рассыпая его в разные стороны.

Я останавливаюсь метров за сто до следов гусениц и бегу к санкам, не тратя время на отстёгивание, просто стараюсь не запутать стропы.

Доктор бредёт ко мне по снегу и бормочет себе под нос:

— Боже, боже, боже.

Нет времени для хороших манер.

— Запрыгивайте! — кричу я. — Запрыгивайте на санки и крепко держитесь.

Он не теряет времени, с поразительной ловкостью залезает на моё снаряжение и хватается за накрывающий его брезент. Я мельком заметила угловатые черты его лица и сверкающий взгляд. Я не могу понять сколько ему лет... где-то от пятидесяти до семидесяти? Слава богу, что он не очень тяжёлый. Поверить не могу, что на нём так мало одежды, но все вопросы придётся отложить.

— Берегись! — кричит он.

Снегоход пошатнулся — на него запрыгнул один из гелидонов. У него глаза как две луны. Он шипит ужасным электрическим звуком и машет своей единственной клешнёй. Он разбивает ею ветровое стекло. Из-за брошенного снегохода выходит, семеня ногами, ещё один.

Я отвязываю воздушный змей и бросаю его в небо, даже не пристёгиваясь. Его тут же наполняет ветер. Сильный рывок — и змей тянет нас вперёд.

Гелидон прыгает туда, где секунду назад были санки. Я кричу и держусь за змей так, словно он моя жизнь. Потому что от него зависят жизни нас обоих.

Я заставляю себя отвернуться, сосредоточиться на том, что впереди, а не на том, что сзади. Инопланетные монстры бегут за нами, но за ветром им не угнаться. Я оборачиваюсь на Доктора: сидя верхом на санках, он громко хохочет. Я не могу удержаться и тоже смеюсь. Наполненный ветром змей мчит нас по снегу, оставляя гелидонов позади беспомощно щёлкать клешнями.

— Отличный способ перемещения! — кричит он.

— Buensimo! — кричу ему я через плечо. — Но Доктор, куда же нам теперь бежать?

Оно чисто белое, белое на белом: стены, потолок, пол, древний компьютер в центре. Я стою на пороге и раскрыв рот смотрю на всё это.

Доктор снаружи, он передаёт по радио наши координаты своим друзьям, чтобы они приехали и забрали нас. В этот момент я одна в его корабле. Боже мой, да тут же тепло! Я начинаю стягивать с рук рукавицы.

Единственное, что мне приходит в голову: основная часть корабля засыпана снегом, а синяя будка — всего лишь торчащий снаружи вход. Но это ведь не так. Эта штука изнутри больше, чем снаружи.

Я не дошла до Южного Полюса и, возможно, никогда уже не дойду. Я не помогла спасти мир. Но, по крайней мере, я спасла жизнь одного человека. А теперь я вижу чудо. Ещё одно чудо.

Больше ничто не кажется мне невозможным.